

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

УДК 903.5

В.И. Молодин¹, И.А. Дураков²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

²Новосибирский государственный педагогический университет

ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия

E-mail: Idurakov@yandex.ru

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ РАННЕЙ – РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ МОГИЛЬНИКА ОРДЫНСКОЕ-1 (новая версия историко-культурной интерпретации)

В статье обобщены материалы погребений эпохи ранней – развитой бронзы многослойного могильника Ордынское-1. Дается общий обзор истории их изучения и интерпретации. Рассматриваются проблемы датировки и культурной принадлежности основных погребальных комплексов кротовской и елунинской культур.

Ключевые слова: эпоха ранней – развитой бронзы, кротовская и елунинская культуры, межкультурное взаимодействие.

Введение

Могильник Ордынское-1 является разнотипным памятником, включающим погребения эпохи неолита, развитой бронзы, раннего железного века и раннего средневековья. Он расположен на высоком мысу левого берега Новосибирского водохранилища и Ордынского залива, образованного одноименной рекой в месте ее впадения в р. Обь, в 2 км к юго-востоку от р.п. Ордынское Ордынского р-на Новосибирской обл. (рис. 1). До заполнения ложа водохранилища западная оконечность мыса представляла собой низкую надпойменную террасу р. Орды, восточная – высокий увал.

В 1950-е гг. на территории памятника Ордынское-1 М.П. Грязнов частично раскопал две неолитические стоянки – Западную и Восточную – и при исследовании курганного могильника раннего железного века нашел два энеолитических погребения [1954; 1956, с. 29]. В 1961 г. В.П. Алексеев опубликовал краниологическую серию эпохи неолита и бронзы, в т.ч. из могильника Ордынское-1 [1961].

На наиболее высокой части террасы Орды находились некрополи, среди них – курганы эпохи бронзы Ордынское-1г, группа курганов раннего железного

века и средневековья Ордынское-1е. В северо-восточной части могильника под насыпью кург. № 17 прослежены остатки жилища самусьской культуры. В.А. Захом вскрыта небольшая часть котлована и выявлены восемь столбовых ямок диаметром 0,1–0,2 м и глубиной 0,1 м [Зах, 1983, с. 58, 64]. Обнаруженная в жилище керамика аналогична посуде 1-й группы с поселения Самусь IV [Там же, с. 64].

Весь этот замечательный комплекс был открыт в 1953 г. М.П. Грязновым, им же в 1952–1954 гг. проведены первые исследования памятника [Грязнов и др., 1973, с. 14–17; Завитухина, 1968, с. 28]. Позже объект неоднократно раскапывался: в 1962 г. – В.А. Дрёмовым, в 1965, 1967, 1970, 1994 гг. – Т.Н. Троицкой, в 1973–1975 гг. – В.А. Захом, в 1987 г. – А.В. Новиковым [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, с. 97; Троицкая, 2010, с. 19–58, 66; Комарова, Молодин, 1973]. По большей части это были охранные работы, включающие исследования постоянно разрушающегося края береговой линии; поэтому многие из вскрытых здесь комплексов были уже сильно повреждены.

Еще на ранних этапах изучения памятника встал вопрос о культурной принадлежности ряда погребений могильника, а также о своеобразии комплек-

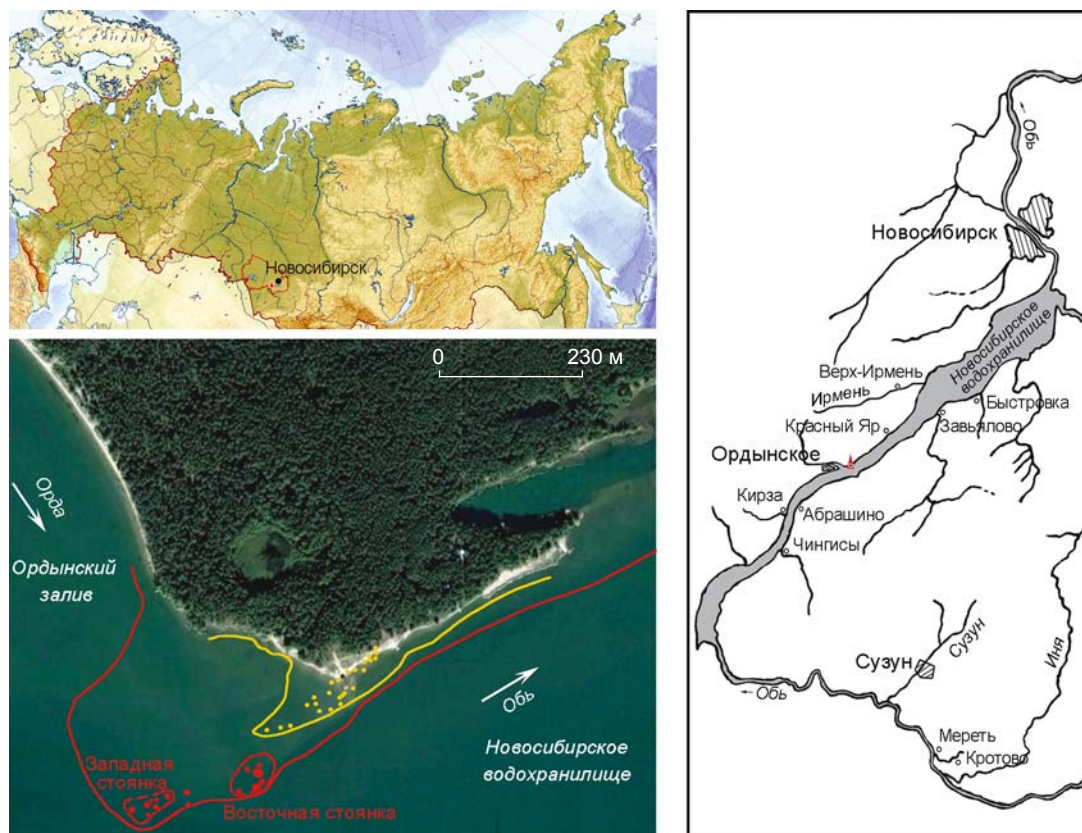


Рис. 1. Расположение могильника Ордынское-1. На нижней врезке красным обозначена зона береговой линии затопления ложа Новосибирского водохранилища, желтым – граница береговой линии после затопления (состояние на 1962 г.).

са керамики, представленного серией археологически целых сосудов. Одну часть могил исследователи интуитивно относили к периоду неолита или раннего металла, другую – предположительно к культурам раннего железного века [Троицкая, 1973, с. 92]. Большую группу погребений атрибутировать вообще не удалось [Там же, с. 100; Зах, 1983, с. 65]. Значительная часть захоронений, относящихся к эпохе неолита [Молодин, 1977], диагностирована как большереченские и кулайские [Завитухина, 1968; Троицкая, 1979, с. 22–25, 71–73; Зах, 1983, с. 65]. Кроме того, были обработаны и введены в научный оборот материалы поселенческих комплексов.

Часть керамического комплекса, представленная археологически целыми сосудами, первоначально была датирована эпохой энеолита или ранней бронзы и сопоставлена с материалами поселения Кротово-7/8 [Троицкая, 1973, с. 92]. В.И. Матющенко опубликовал два сосуда из этой коллекции и определил их как самусьские [1973, рис. 54, 1,2]. Позже часть керамического комплекса Ордынского-1 одним из авторов данной статьи была отнесена к кротовской культуре [Молодин, 1977, с. 50, 54–55, табл. LIV, 1,2; LVI, 1,2; LVII, 2; LVIII, 7,8].

В связи с обнаружением на уровне материка внепоселенческого слоя археологически целых сосудов возникло предположение о существовании на территории памятника особого могильника. Первоначально считалось, что его погребения были полностью разрушены при возведении курганных насыпей раннего железного века [Троицкая, 1973, с. 92]. Вопрос о принадлежности конкретных могил к кротовской культуре впервые был поставлен В.А. Захом [1979; 1983, с. 64]. Открытие в Барабинской лесостепи могильника Сопка-2/4Б, сходного по погребальному обряду и инвентарю с указанным кротовским могильником, позволило поставить вопрос об единичности этих памятников и отнести к ним ряд недатированных могил Ордынского-1 [Молодин, 1985, с. 83–84].

Таким образом, в процессе исследования многослойного памятника Ордынское-1 на его территории был обнаружен могильник кротовской культуры. Судя по распространению кротовской керамики и расположению погребений, он находился под насыпями близлежащих кург. № 2, 7, 8 и 11, а также на межкурганном пространстве, вскрытом сплошной площадью в 1973–1975 гг. (рис. 2, 2).

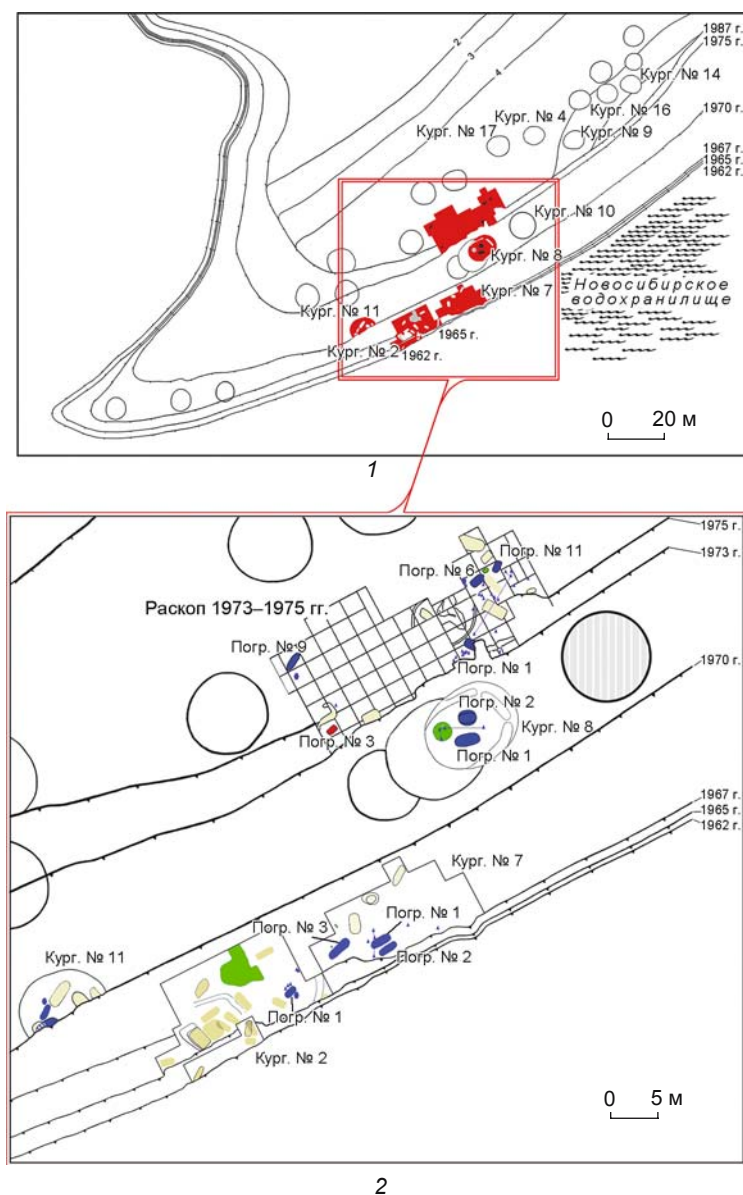


Рис. 2. План могильника Ордынское-1 (1) и схема расположения раскопов 1962–1973 гг. (2).

Во второй половине 1980-х гг. Ю.Ф. Кирюшин отнес поселенческие материалы, в т.ч. с памятника Ордынское-1, к кротовской культуре [1986, с. 20]. В начале XXI в. находки с восточной стоянки (Ордынское-1а) он датировал энеолитом [2002, с. 39]. Артефакты с Западной стоянки Ордынское-1б исследователь причислил ко 2-й группе (2-я подгруппа) материалов этого периода [Там же, с. 40]. Находки из четырех захоронений памятника Ордынское-1а (три из них исследованы М.П. Грязновым и одно В.А. Захом) Ю.Ф. Кирюшин предложил рассматривать как изделия ирбинского типа [Там же, с. 45, рис. 48, 2–8, 11; 64, 66, 67, 70].

Территория в районе памятника Ордынское-1, по мнению Ю.Ф. Кирюшина, является северной оконеч-

ностью ареала выделенной им елуинской культуры [Там же, с. 46]. В 1-ю группу елуинской посуды он включает «семь сосудов, обнаруженных Т.Н. Троицкой в насыпях курганов 2, 7, 8 и 11 могильника Ордынское 1» [Там же, с. 50, рис. 99, 1–3; 100]. К елуинской культуре исследователь относит и три захоронения Ордынского могильника, исследованные В.А. Захом [Там же, с. 68; Кирюшин, Грушин, 2001, с. 40]. Вместе с тем Ю.Ф. Кирюшин разделяет мнение В.И. Молодина о принадлежности ряда погребений могильника к кротовской культуре [Кирюшин, 2002, с. 69], считая, что этот памятник находился на границе ареалов кротовской и елуинской культур [Там же, с. 88].

Новое обращение к материалам могильника Ордынское-1 представляется нам актуальным по целому ряду обстоятельств. Во-первых, кротовский материал могильника пока до конца не обобщен и не систематизирован, ввиду чего его использование в научной литературе крайне затруднено. Во-вторых, после выделения Ю.Ф. Кирюшиным в 1986 г. особой елуинской культуры [1986], синхронной кротовской, некоторые специалисты стали причислять к первой и памятники, которые считались кротовскими с момента выделения М.Н. Комаровой кротовского типа керамики [1956, с. 98–99, 101, рис. 42, 1–7]. К кротовским могильник Ордынское-1 относили и позже, после выделения В.Ф. Генингом и его учениками памятников кротовского типа [Генинг и др., 1970], а впоследствии, с расширением источниковой базы, и особой (кротовской) культуры [Молодин, 1975а, б].

Стремление Ю.Ф. Кирюшина изменить определение культурной принадлежности коснулось и захоронений памятника Ордынское-1, которые некоторыми барнаульскими исследователями определяются как елуинские [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2010, с. 553; Грушин, 2001, с. 219]. Такое положение дел приводит к терминологической путанице и требует специального анализа. Важное значение для решения данной проблемы имеет рассматриваемая часть могильника Ордынское-1. Территория памятника, находящаяся в пограничной зоне распространения кротовской и елуинской культур [Кирюшин, 1987, с. 121; 2002, с. 88], использовалась, очевидно, носителями этих культур для сооружения захоронений.

Описание памятника

Результаты анализа материалов многолетнего изучения памятника Ордынское-1, в т.ч. архивных данных, позволяют рассматривать интересующие нас комплексы в рамках, по-видимому, особого могильника, сильно нарушенного более поздними захоронениями (рис. 2; 3, 1).

Курган № 2 (рис. 3, 1). К моменту изучения его насыпь оказалась более чем наполовину разрушенной

Новосибирским водохранилищем. Исследования объекта были начаты в 1962 г. В.А. Дрёмовым; им были вскрыты слои на площади 21,5 м² [1962]. Полностью курган раскопан в 1965 г. Т.Н. Троицкой. Полученные данные частично опубликованы [1973, с. 89, рис. 1, Б]. Изделия кротовской культуры обнаружены около погр. № 1 и в углубленной в материк грабительской яме (рис. 3, 2–4).

Погребение № 1 (рис. 3). Находилось на уровне материка у восточного края курганной насыпи

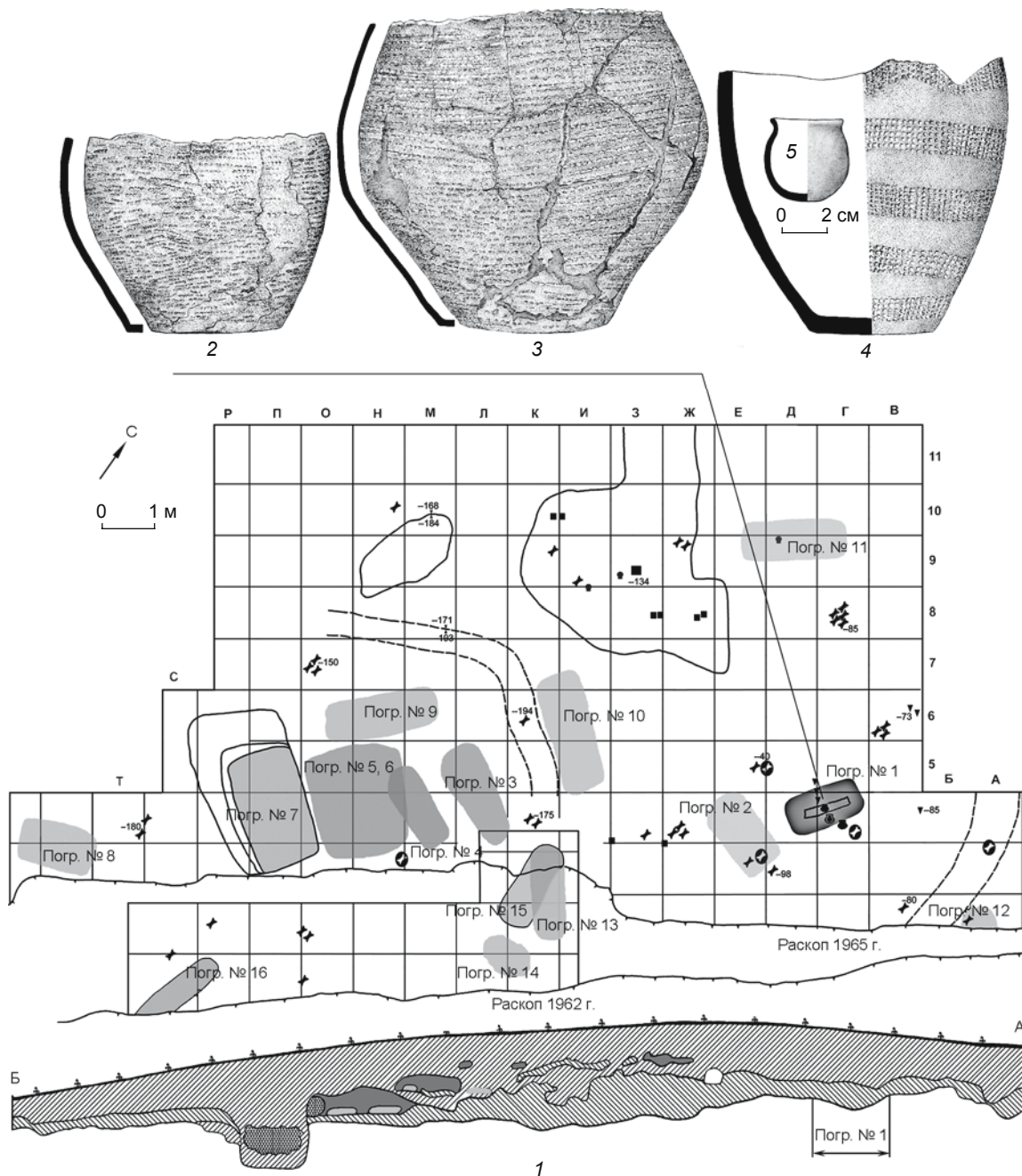


Рис. 3. План раскопов 1962 и 1965 гг. (1) и сосуды из погр. № 1 в кв. Г4 (2–4) кург. № 2.

(кв. 4/г-д). Ориентировано по линии северо-восток – юго-запад. Сохранились остатки истлевшего дерева перекрытия. Скелет ребенка полностью разложился; ориентацию погребенного определить не удалось. Четкие контуры могилы не прослеживались. Могильная яма фиксировалась только в стратиграфическом разрезе. Заполнение могилы – светлая супесь, дно неровное, с повышением в северо-восточной части.

Справа от погребенного, у южного края могилы, на материке обнаружены развалы трех кротовских сосудов: два, видимо, были вставлены друг в друга, в 0,2 м от них стоял третий. Его фрагменты найдены и у северного края могилы (рис. 3, 2–4). Четвертый сосуд – миниатюрный слабопрофилированный неорнаментированный горшок – зафиксирован на истлевшем перекрытии (рис. 3, 5). Первоначально сосуд определен как кулайский; отмечены его сходство с больше-реченскими образцами и отличия от них по обработке

поверхности и составу формовочного материала [Троицкая, 1979, с. 24]. С учетом наличия аналогичной посуды в материалах керамического комплекса поселения Преображенка-3 и контекста залегания сосуд следует отнести к кротовской культуре.

В грабительской яме у северной стенки раскопа найдена серебряная серьга в виде незамкнутого кольца диаметром 1,7 см [Троицкая, 1973, рис. 3, ж]. Она изготовлена из литого круглого в сечении стержня толщиной 0,16 см. Подобные кольца часто встречаются в материалах кротовских могильников Сопка-2/4Б и Тартас-1 [Молодин, 1985, с. 65–66, рис. 32, 3–5, 9–15, 24, 26; 34, 26].

Яма неправильной вытянутой формы, ориентирована продольной осью по линии запад – восток. Ее максимальные размеры 4,5×2,1 м, глубина от уровня материка 0,33 м. От ямы к северной стенке раскопа тянется канава шириной 1,4 м. Серебряное кольцо лежало вместе с обломками бус из листовидной бронзы (кв. 9/и). На расстоянии 0,25 м к югу от этих находок обнаружен череп человека, обращенный лицевой стороной вверх. Вероятно, яма являлась разрушенным кротовским погребением.

Курган № 7 (рис. 4, 1). Вплотную примыкал к кург. № 2 и своей западной полой полностью сливался с ним [Троицкая, 1967, с. 8, рис. 21]. Раскопан Т.Н. Троицкой в 1967 г.* [Там же, с. 6–8, рис. 23–32, 35]. На момент раскопок насыпь больше чем наполовину была разрушена Новосибирским водохранилищем. Ее длина по линии обрыва составляла 20 м, ширина 17, высота 1 м. Материалы частично опубликованы [Троицкая, 1973, с. 84–88]. Курган, вероятно, представлял собой наложение друг на друга нескольких насыпей. На территории раскопа обнаружены шесть погребений. Одно из них (№ 5) датировано периодом поздней бронзы, еще два (№ 4 и 6) – концом I тыс. до н.э. [Там же, с. 93, 95]. Три погребения (№ 1–3) отнесены к кротовской культуре. Могилы расположены компактно под восточным краем курганной насыпи. Погребения № 1 и 2 находились в одном ряду, мог. № 3 – в 3,2 м к западу от них (см. рис. 4, 1).

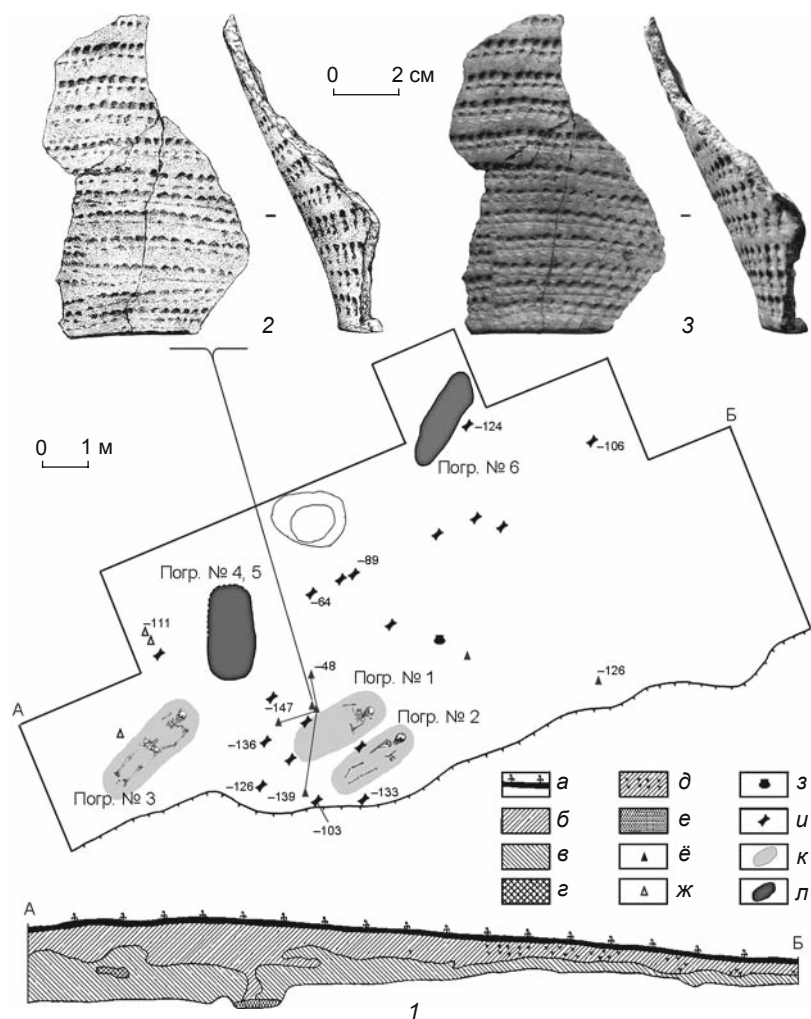


Рис. 4. План и разрез кург. № 7 (1), фрагмент керамического сосуда из него (2, 3). а – дерн; б – черная супесь; в – светлая супесь; г – остатки дерева; д – вкрапления пепла; е – погр. № 4, 5; ё – кротовская керамика; ж – прочая керамика; з – керамический сосуд; и – кости животных; к – кротовские погребения; л – прочие погребения.

*В раскопах 1967 г. участвовал один из авторов настоящей статьи.

Погребение № 1 (рис. 5, 2). Контуры могильной ямы не прослеживались. Скелет находился на уровне материка. Могила ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Очевидно, что глубина могильной ямы была небольшой и соответствовала мощности погребенной почвы. Погребение № 1 находилось в одном ряду с погр. № 2. Умерший был погребен на спине, головой на северо-восток. Сохранились череп в сочленении с нижней челюстью, шесть позвонков с семью ребрами и левая ключица. Кости рук лежали вдоль костяка; *in situ* сохранились плечевые кости. Локтевая и лучевая кости левой руки были смещены, хотя и находились в сочленении. Слева от височных костей погребенного обнаружена хорошо окатанная круглая галька размерами 4,7×3,4 см со следами забитости. Она опубликована Т.Н. Троицкой [1979, табл. XXV, 23]. В насыпи на участке, прилегающем к погребению с юго-запада, в предматериковом слое найдены обломки человеческих костей, фрагменты придонной части и тулова кротовского сосуда, видимо, из разрушенной части могилы (см. рис. 4, 2, 3).

Первоначально погребение было отнесено Т.Н. Троицкой к кулайской культуре. Заключение сделано с учетом ориентации могилы и найденной в ней гальки-ударника – предмета, часто встречаемого в кулайских погребениях могильника Каменный Мыс [1973, с. 99]. Однако погребальный обряд, сохранность костей, расположение могилы в одном ряду с кротовским погр. № 2 и явная связь с найденным рядом развалом кротовского сосуда позволяют уверенно отнести ее к кротовской культуре.

Погребение № 2 (см. рис. 5, 1). Ориентировано по линии северо-восток – юго-запад. Контуры могильной ямы зафиксировать не удалось. Глубина могилы была невелика и, по-видимому, соответствовала мощности погребенной почвы. Подросток 11–12 лет был похоронен на уровне материка вытянуто на спине, головой на северо-восток [Там же, с. 89]. При погребении правая нога была вытянута, левая слегка согнута в колене, правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте. Около локтевого сгиба левой руки найдена тонкая прямоугольная пластина из серого мелкозернистого песчаника (рис. 5, 3, 4). Ее длина 11,3 см, ширина 8, толщина колеблется от 0,4 до 0,14 см. Ближе к краям толщина пластины плавно уменьшается; в

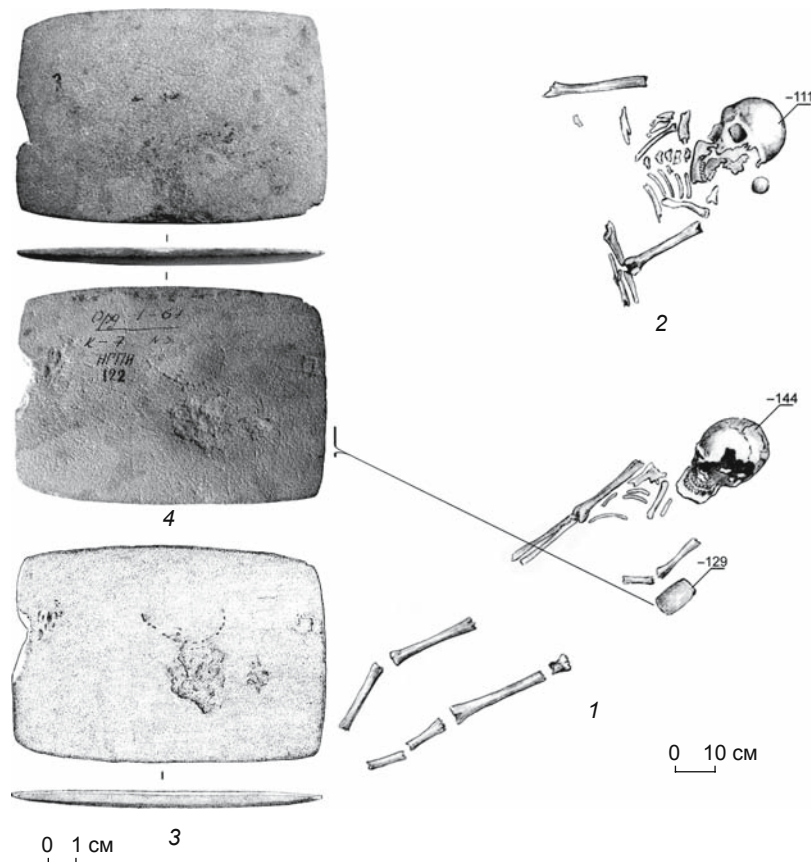


Рис. 5. Планы погр. № 2 (1) и № 1 (2) кург. № 7, каменная пластина из погр. № 2 (3, 4).

сечении она почти линзовидной формы. Поверхность тщательно отшлифована. На одной стороне прослеживается слабая забитость в виде скоплений неглубоких ямок (рис. 5, 3, 4). На другой стороне имеются микровкрапления окислов меди. Функциональное назначение изделия не ясно. В настоящее время оно хранится в музее Новосибирского государственного педагогического университета (№ 122). Аналогичная пластина найдена в кротовском погр. № 13 (кург. 6) могильника Сопка-2/4Б [Молодин, 1985, с. 44–45, рис. 18, 10]. Она также изготовлена из мелкозернистого песчаника. Пластина была аккуратно распилена пополам, и в могилу положена только одна половина. Специфическая форма изделия делает его своего рода культуродиагностирующим маркером, и значение находки трудно переоценить.

Погребение № 3 (см. рис. 2; 6). Ориентировано по линии северо-восток – юго-запад. Контуры могилы не выявлены. Глубина соответствовала толщине погребенной почвы. Над скелетом прослеживался слой засыпки могилы толщиной в 2–3 см, состоящей из почвы с вкраплениями углей и золы [Троицкая, 1967, с. 7].

Умерший был погребен на уровне материка на спине, головой на северо-восток. При захоронении

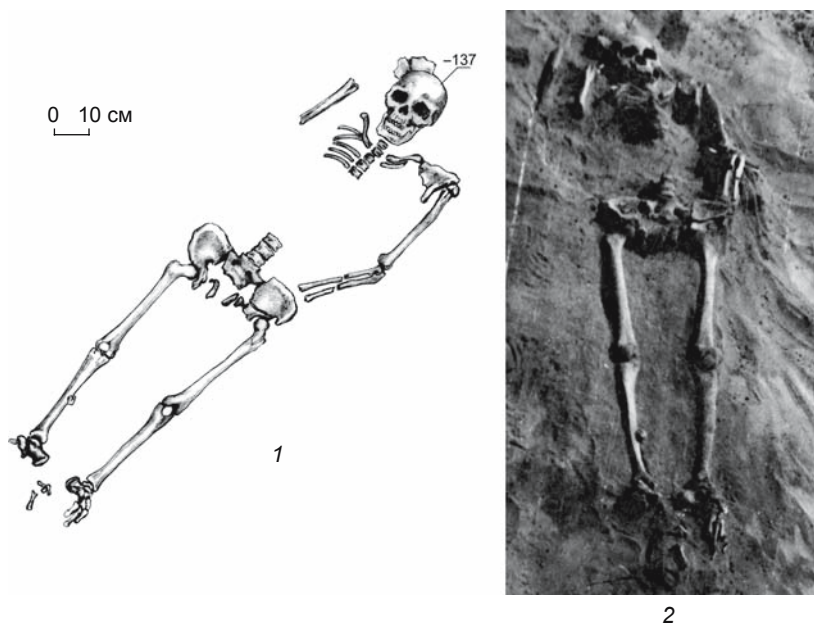


Рис. 6. План (1) и фото (2) погр. № 3 кург. № 7.

руки были положены вдоль туловища, левая – слегка согнута в локте. Лучевая и локтевая кости правой руки утрачены. Грудная клетка сильно повреждена. Сохранились пять грудных позвонков в сочленении с пятью правыми ребрами и одним левым, а также три позвонка поясничного отдела. Кости ног вытянуты, стопы развернуты в разные стороны. Находок в погребении не обнаружено.

Кургan № 8 (см. рис. 2; 7, 1). Расположен в 10 м к северо-востоку от кург. № 2 и 7. Исследован Т.Н. Троицкой в 1967 г. [1967, с. 8–9, рис. 34–39]. Материалы частично опубликованы [Троицкая, 1973, с. 89–90, рис. 1, к; 3, д, е].

Кургan представлен северо-восточной половиной длинной невысокой (0,2–0,3 м) насыпи, принятой сначала за несколько слившихся вместе курганов. В полевой сезон 1967 г. удалось вскрыть только часть насыпи, под которой были обнаружены ровик, две могилы и круглая яма. В ходе работ выяснилось, что прослеженный под насыпью ровик уходит за пределы раскопанной территории, следовательно, была вскрыта только часть длинного кургана. Работы предполагалось продолжить, однако когда они возобновились в 1970 г., этот участок могильника был уже полностью размыт.

Насыпь кургана состояла из двух горизонтов: верхний представлен очень плотной темной супесью, нижний – светлой супесью, которая заполняла ров, яму и частично могилу (рис. 7, 1). По структуре насыпи и погребальному обряду рассматриваемый курган значительно отличался от остальных курганов могильника, поэтому сначала его датировка и атрибуция вызвали затруднение [Троицкая, 1973, с. 100]. Позже В.И. Молодин на основе анализа инвентаря и особенностей погреб-

бального обряда отнес погребения к кротовской культуре [1985, с. 83].

Погребение № 1 (рис. 8). Расположено в южном секторе кургана. Могила частично перекрыта мощным слоем прокаленной почвы, пепла и угольков. Размеры прокала 1,3×0,95 м, толщина 0,22 м.

Могильная яма имеет форму вытянутого овала. Ее длина 1,60 м, ширина 0,95, глубина 0,5–0,8 м. Яма ориентирована по линии запад – восток. Северная, южная и восточная стенки могилы отвесные, западная – наклонная. Дно неровное – у западной стенки оно выше на 30 см, чем у восточной, поэтому вся юго-западная часть могилы несколько приподнята.

Погребение потревожено в древности. Заполнение могильной ямы – плотная светлая супесь. Над погребением прослеживается слой древесного тлена перекрытия. В разрезе заметен след грабительского проникновения в виде доходящей до перекрытия линзы темной супеси.

Умерший погребен на спине, головой на запад, с немного согнутыми в коленях и слегка разведенными в стороны ногами. При захоронении его руки были вытянуты вдоль туловища, торс и голова приподняты за счет неровности дна и, видимо, опирались на западную стенку могилы. В западной части погребение потревожено при разграблении. Череп, нижняя челюсть и плечевая кость левой руки были смещены и лежали в беспорядке.

Погребение № 2 (рис. 9, 1). Расположено на границе северного и западного секторов кургана, в 0,65 м к северу от погр. № 1. Могильная яма имеет форму овала. Ориентирована по линии запад – восток. Углублена в материк уступами. Ее длина по верхнему контуру 1,5 м, ширина 1,25, глубина от материка 0,8–0,85 м. На глубине 9 см яма резко сужается и образует вдоль южной и северной стенок широкую ступеньку. Размеры могилы по краю уступа уменьшаются: длина 1,3 м, ширина 0,7 м. Дно могилы неровное – его уровень повышается к западной стенке на 5 см.

Погребение потревожено в древности. Заполнение могильной ямы – плотная светлая супесь с линзами серого песка и темной супеси – след грабительского проникновения. Над костяком прослеживается слой древесного тлена.

В могиле был погребен ребенок в вытянутом положении на спине, головой на запад. Череп отсутствовал. При захоронении руки были положены вдоль туловища и слегка разведены в стороны, ноги вытянуты;

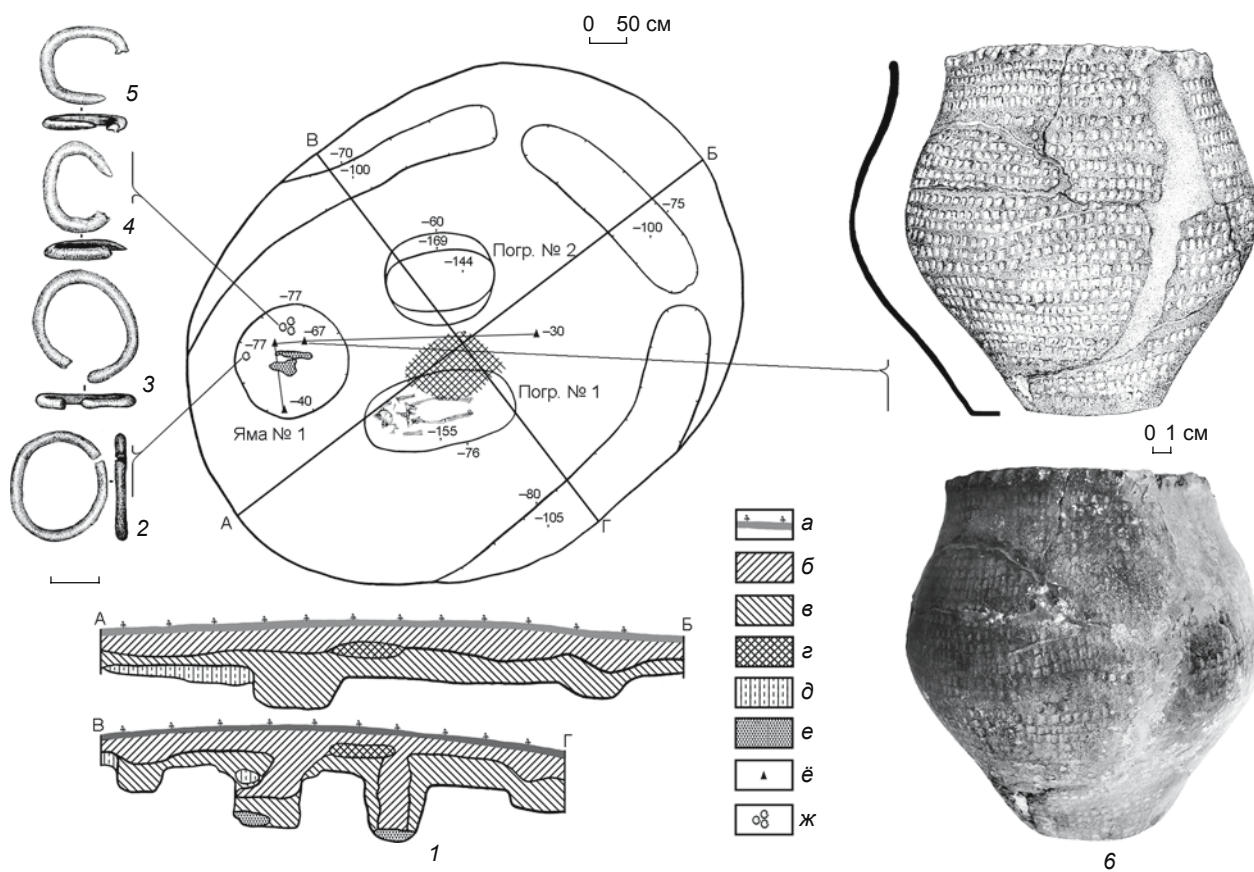


Рис. 7. План раскопа и разрез кург. № 8 (1), металлические украшения (2–5) и керамический сосуд из ямы № 1 (6).

а – дерн; б – темно-серая почва; в – светло-серая почва; г – прокаленная почва; д – серый песок; е – дерево; ё – фрагмент керамики; ж – металлические кольца. 2, 3 – серебро; 4, 5 – бронза.

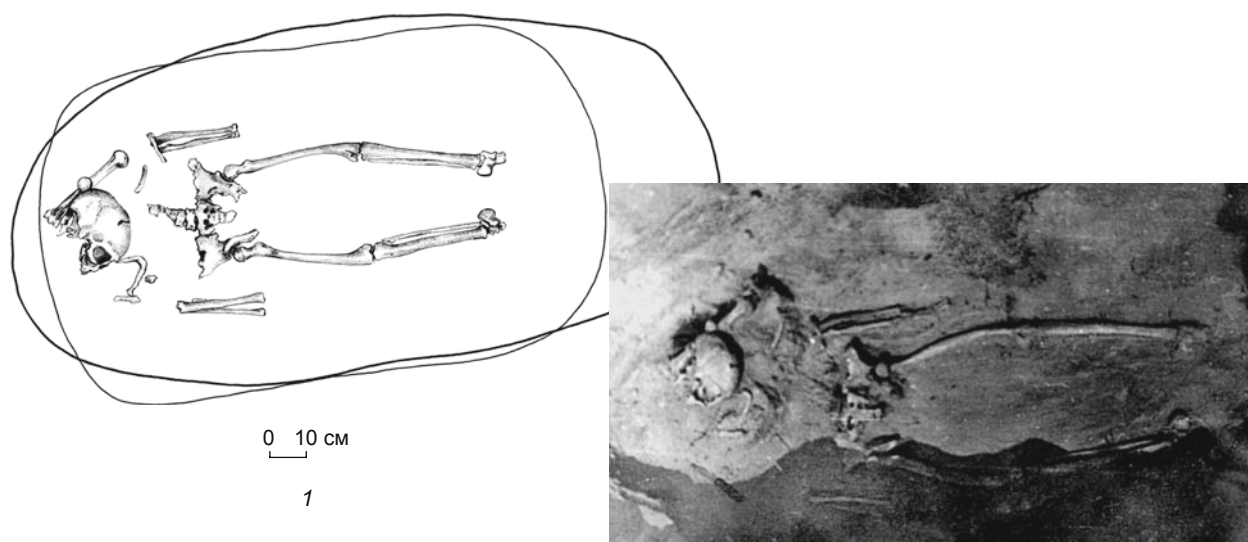


Рис. 8. План (1) и фото (2) погр. № 1 кург. № 8.

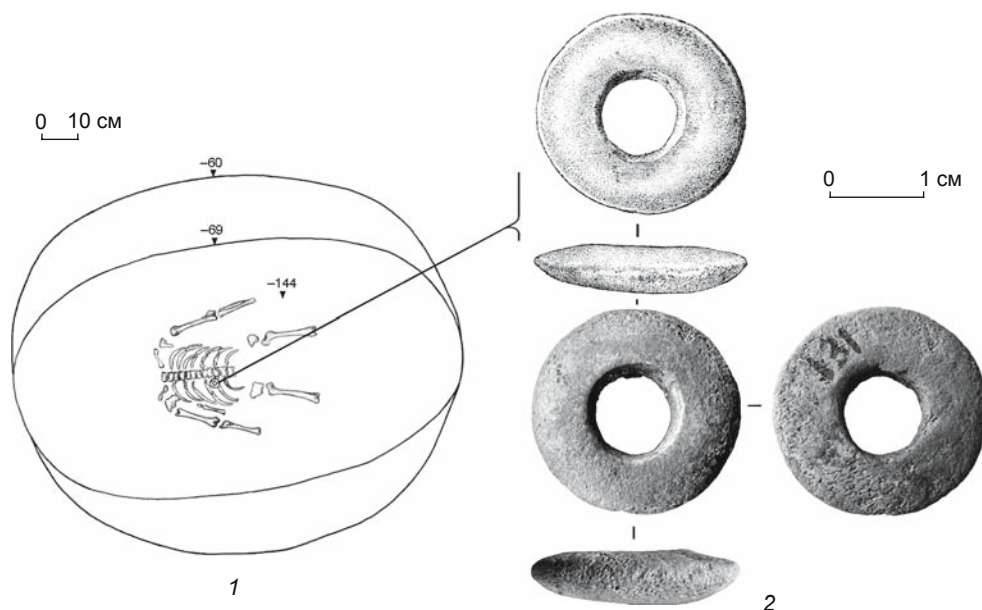


Рис. 9. План погр. № 2 кург. № 8 (1) и костяной диск (2).

in situ находились только бедренные кости. Грудная клетка сохранилась полностью; на ребрах лежала подвеска в виде слегка выпуклого с обеих сторон рогового диска с круглым отверстием в центре (рис. 9, 2). Его диаметр 2,2 см, толщина 0,6, диаметр отверстия 1 см. Подобные изделия из рога, кости и камня широко представлены в материалах кротовской культуры. Практически такое же костяное кольцо только с насечками по краю обнаружено в погр. № 13 кург. 6 могильника Сопка-2/4Б [Там же, с. 53, рис. 25, 9]. В этой же могиле находился еще один диск из розового мрамора [Там же, с. 42, рис. 18, 1]. Два аналогичных изделия из камня встречены в погр. № 1 кург. № 48 и погр. № 6 кург. № 44 на Сопке-2/4Б [Там же, с. 42, рис. 18, 2, 3]. Все диски, зафиксированные *in situ* в могильниках Сопка-2/4Б и Ордынское-1, находились в районе пояса, что указывает на их использование в качестве украшения костюма [Там же, с. 42, 67].

В 0,45 м к северо-западу от погр. № 1 и в 0,8 м к юго-западу от погр. № 2 располагалась яма № 1 круглой формы. Ее диаметр 1,5 м, глубина 0,4 м. В заполнении ямы обнаружены обломки кротовского сосуда. Фрагмент этого же сосуда залегал на уровне материка в 0,7 м к северо-востоку от погр. № 1. Сосуд реконструируется практически полностью (см. рис. 7, 6). Он горшковидной формы, высота его составляла 16,5 см, диаметр по венчику 10,5, диаметр дна 9 см. Вся поверхность изделия орнаментирована тесно поставленными оттисками отступающего гребенчатого штампа. Край венчика украшен вдавлениями той же гребенки [Молодин, 1977, табл. LVII, 2].

У северной стенки ямы компактной кучкой лежали три серьги: две бронзовые и одна серебряная

(см. рис. 7, 3–5). Еще одна такая же серебряная серьга найдена у западной стенки той же ямы (см. рис. 7, 2). Бронзовые серьги изготовлены из круглого в сечении прутика диаметром 0,3 см. Прутик согнут в кольца диаметром 2,2 см таким образом, что в месте соединения концов зазоры не превышают 0,1 см. Серебряные серьги представляют собой незамкнутые кольца диаметром 1,5 и 1,7 см, выполненные из прутика толщиной 0,3–0,4 см. Часть находок опубликована [Троицкая, 1973, рис. 3, д, е]. Серьга, аналогичная последним, найдена в описанной выше грабительской яме кург. № 2 рассматриваемого могильника.

Прутики, из которых сделаны серьги, отлиты по восковым моделям в неразъемных литейных формах. На это указывают неравномерная толщина – результат раскатывания пластичной массы в тонкий жгут, а также отсутствие литейных швов. Для изготовления колец пруттик был разделен на отрезки нужной длины. Судя по сломам, после нескольких повторных перегибаний он был просто переломлен без какой-либо предварительной подрезки. Затем отрезок прутика согнули в форме кольца. Бронзовые серьги слегка проковывались на круглом шаблоне. Остальные сгибали в кольцо через упор. Такие изделия широко представлены в материалах культур ранней – развитой бронзы Евразии. Важно отметить их наличие в материалах как кротовской [Молодин, 1985, с. 65–66], так и елунинской [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2010] культур.

Описанные захоронения вряд ли имеют непосредственное отношение к кургану. Земляное сооружение, как и ровик, является, вероятно, более поздней конструкцией большереченской (?) культуры; часть его вместе с захоронением осталась недоисследованной.

Курган № 11. Находится в 10 м к западу от кург. № 2 и 7 (см. рис. 2; 10, 1). Раскопан Т.Н. Троицкой в 1970 г. [1970, с. 21, рис. 88–90]. Часть материалов опубликована [1973, с. 90, рис. 5, в]. На момент раскопок насыпь была уже наполовину размыта и обрушилась в Новосибирское водохранилище. Длина оставшейся части по береговой линии 9,46 м, ширина 4,8, высота 0,3 м. В кургане обнаружены шесть погребений, из них три (№ 2, 3, 6) датируются концом I тыс. до н.э. – началом I тыс. н.э. [Там же, с. 95, 99; 1979, с. 73]. Могила № 1 и 5 не датированы. К кротовской культуре принадлежит только погр. № 4.

Погребение № 4 (рис. 10; 11, 1). Могила овальной формы, вытянута по линии северо-восток – юго-запад. Погребение сильно повреждено. Его южная стенка размыта и обрушилась в Новосибирское водохранилище. Юго-западная часть могилы разрушена перерезающим ее более поздним погр. № 5. Стенки сохранившейся части могильной ямы отвесные, глубина от уровня материка 0,25 м. Заполнение могилы однородное, представлено темной супесью. В насыпи кургана прослежен образовавшийся при сооружении погребения выкид в виде линзы желтого песка.

В погребении обнаружены находившийся на левом боку череп с нижней челюстью взрослого человека, а также локтевая и лучевая кости правой руки. Видимо, умерший был положен в могилу головой на северо-запад, точнее установить положение скелета не представляется возможным.

В могиле на уровне дна найдена плоская прямоугольная шлифованная каменная пластина, линзовидная в сечении. Она аналогична пластине из погр. № 2 кург. 7, изготовлена в той же технике, но меньше по размерам (см. рис. 11, 2, 3). Длина изделия 9,5 см, ширина 5,3, толщина 0,35–0,12 см. В 1,6 м к северу на уровне материка находился развал кротовского сосуда: дно и часть тулова; венчик отсутствовал (см. рис. 10, 2).

Первоначально погребение было датировано эпохой неолита [Троицкая, 1970, с. 21; 1973, с. 92], однако позже на основании аналогий с материалами могильника Сопка-2/4Б оно было отнесено к кротовской культуре [Молодин, 1985, с. 44–45].

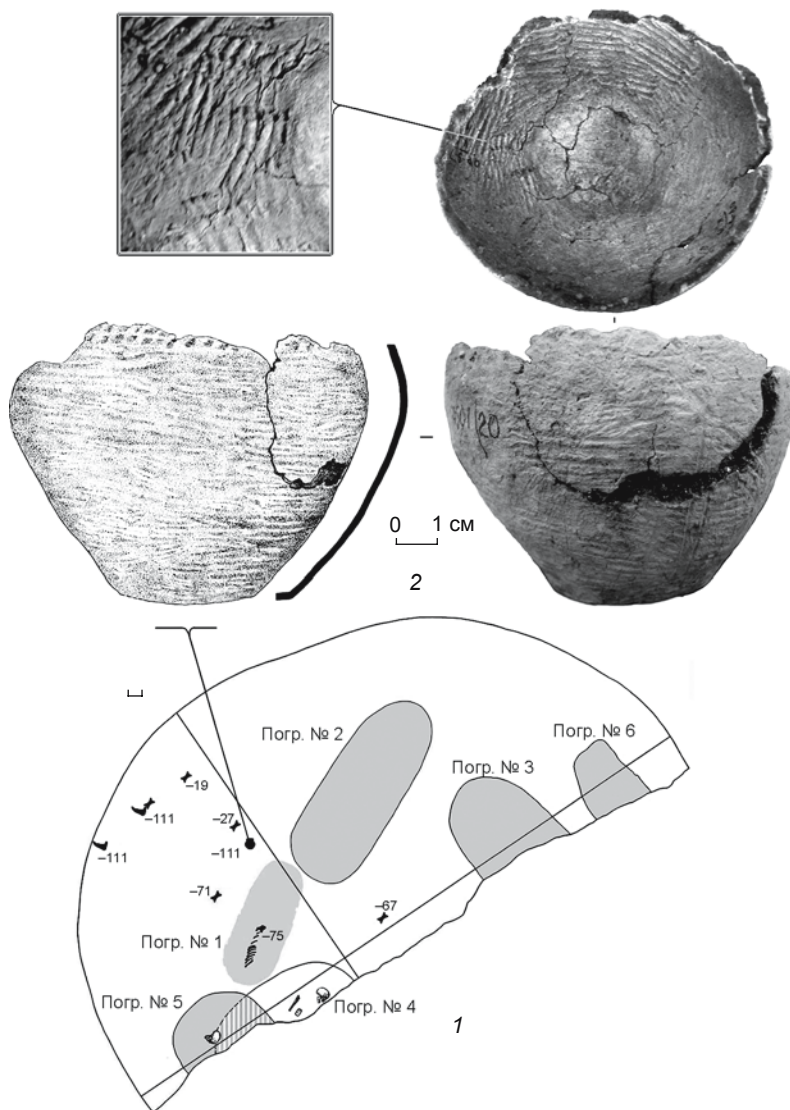


Рис. 10. План кург. № 11 (1) и керамический сосуд из насыпи кургана (2).
На врезке – следы гребенчатого штампа на поверхности сосуда.

Часть межкурганного пространства к северу и северо-востоку от кург. № 8 в 1973–1975 гг. была исследована сплошной площадью (238 м²) [Зах, 1983, с. 61]. На вскрытой территории выявлены 17 разновременных захоронений, из которых пять принадлежат кротовскому времени, а четыре – вероятно, к кротовской культуре.

Погребение № 1 (см. рис. 2; 12, 1). Размыто Новосибирским водохранилищем, вся юго-восточная часть могилы обрушилась. По внешнему контуру могила прямоугольной формы, со слегка закругленными краями. Ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Длина сохранившейся части 1,20 м, ширина 0,97, глубина 0,26 м. Могила полностью разграблена. Ориентацию погребенного установить не удалось, сохранилось только несколько лежавших в беспорядке

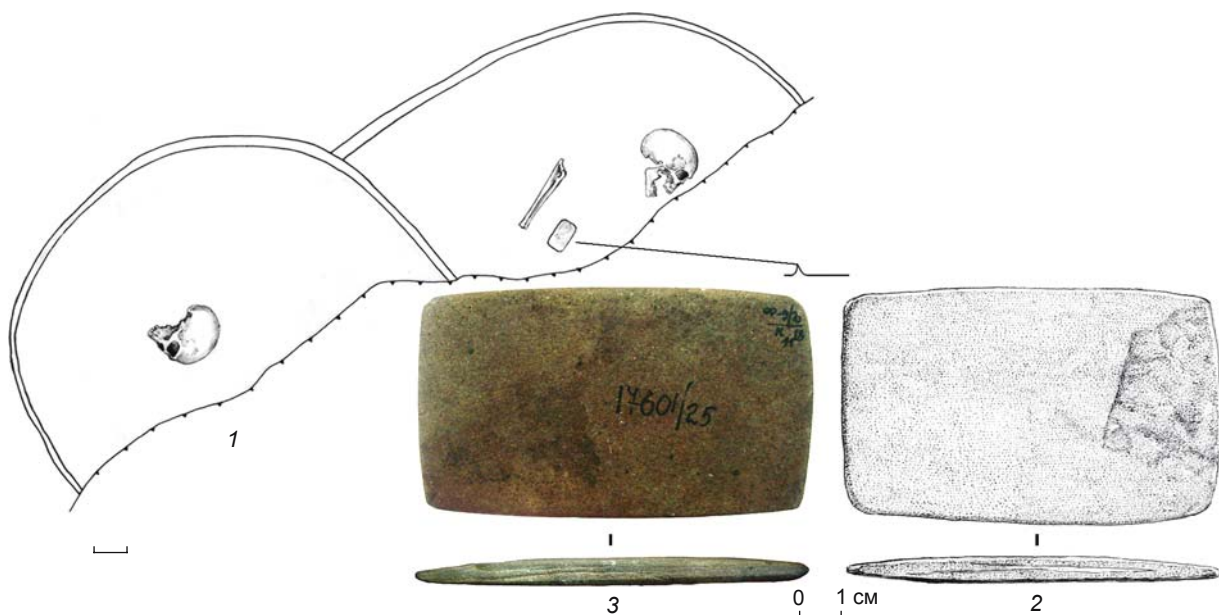


Рис. 11. План погр. № 4 кург. № 11 (1) и каменная пластина (2, 3).

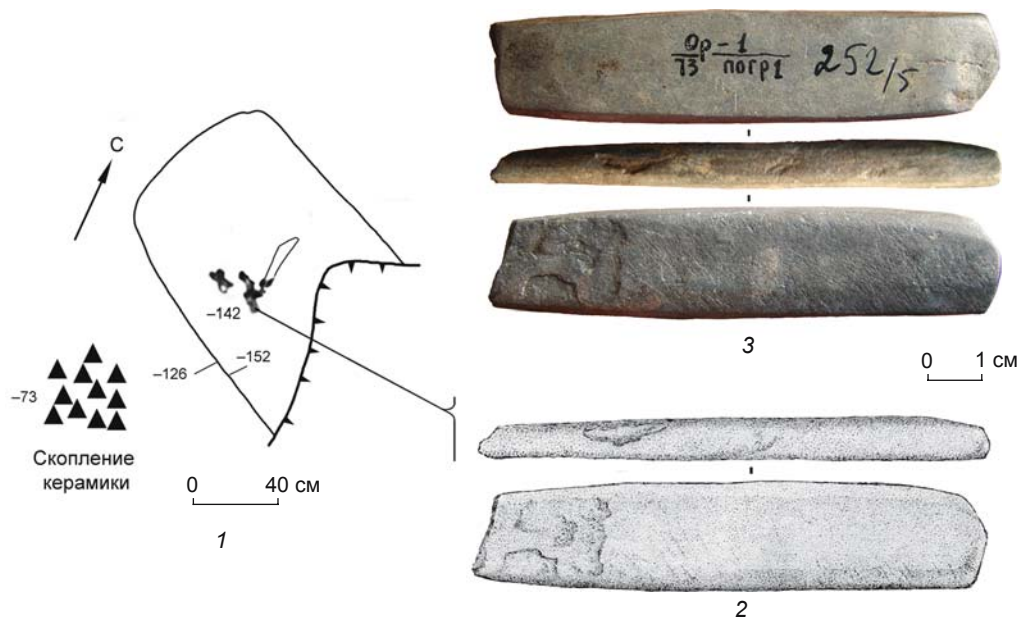


Рис. 12. План грунтового погр. № 1 кург. № 4, раскоп 1973–1975 гг. (1) и каменное точило (2, 3).

костей человека. В заполнении могилы находилось точило в виде вытянутого, слегка сужающегося к концам бруска из серого песчаника (рис. 12, 2, 3). Его длина 9,6 см, наибольшая ширина 0,2, толщина в центре 0,9, по краям – 0,6 см. Около могилы, у ее южной стенки, найдено скопление кротовской керамики.

Погребение № 3. Находилось в северо-западной части раскопа. Контуры могильной ямы не прослеживались (см. рис. 2; 13, 1). Погребение ориентировано по линии северо-восток – юго-запад. Умерший

был погребен на материке, головой на северо-восток. Череп был несколько смещен, лицевой частью ориентирован влево. Грудная клетка разрушена, позвонки находятся в беспорядке. Кости левой руки вытянуты вдоль костяка. При захоронении правая рука была согнута в локте – локтевая кость находилась на остатках грудной клетки. Плечевые кости лежали параллельно грудной клетке и друг другу, правая ключица сохранилась *in situ* и фиксировала расположение плечевого пояса вдоль дна могилы. Ноги со-

гнутой. В момент обнаружения лежали компактной кучей поверх локтевой кости левой руки. Правая бедренная кость перекрывает левую, ее дистальный эпифиз развернут на 180° , т.е. она лежит коленом вниз. При этом левая бедренная находится поверх берцовой кости правой, т.е. ноги были неестественно перекрещены и вывернуты. Подобное положение нижних конечностей возможно, если на момент погребения мягкие ткани человека находились на стадии активного разложения либо ноги подвергались посмертному перемещению. Однако с учетом информации из отчетных документов и очень плохой сохранности костей можно предположить, что умерший был погребен на левом боку, скорченно.

Около затылочной кости погребенного находилась миниатюрная серебряная сережка в виде кольца в полтора оборота, изготовленная из круглого в сечении прутика, выгнутого в кольцо через упор (рис. 13, 2, А). Признаками использования такой технологии являются изгибы на внутренней стороне изделия, повторяющие форму упора. Диаметр изделия 1,4 см, сечения стержня – 0,3 см.

Подобные кольца многочисленны в материалах эпохи ранней – развитой бронзы Евразии; это позволяет уверенно отнести данное захоронение к указанному периоду [Молодин, 1985, с. 65–66; 2012, с. 164–165]. Погребение следует отнести к елунинской культуре, поскольку умерший захоронен на левом боку, скорченно, головой на северо-восток, а названные элементы обрядовой практики являются доминирующими для данного культурного образования [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2010, с. 556].

Погребение № 6 (см. рис. 2; 14, 1). Материал частично опубликован [Зах, 1979, рис. 2, В]. Могильная яма прямоугольной формы с сильно закругленными углами вытянута по линии юго-запад – северо-вос-

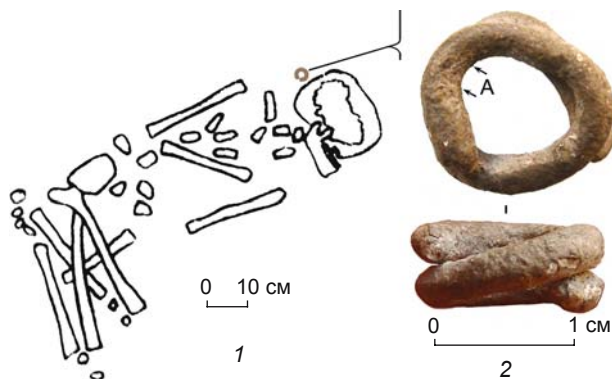


Рис. 13. План грунтового погр. № 3 кург. № 4 (1) и серьга (2).

ток. Ее длина 1 м, ширина 0,5, глубина 0,26 м. Стенки отвесные. В заполнении могилы найдена ножевидная пластина (рис. 14, 3). Погребен ребенок, на спине, головой на юго-запад. Череп фрагментирован, кости рук не сохранились. При захоронении ноги были слегка согнуты и сведены в коленях, возможно, первоначально были подняты вверх коленями.

Могильную яму частично перекрывало погр. № 7 (грунтовая мог. № 2, по Т.Н. Троицкой), которое датировано I в. до н.э. – I в. н.э. и определено как кулайское [Зах, 1983, с. 65; Троицкая, 1979, с. 24–25, 73; табл. XXIII, 3]. В 1 м к северо-западу от погр. № 7 находился прокал, а рядом – развал кротовского сосуда. У южного края могилы обнаружено три фрагмента второго кротовского сосуда. Традиция помещать сосуд рядом с камерой в погребенной почве характерна для погребальной практики кротовской культуры. Например, на кротовском могильнике Сопка-2/4Б сосудов, находившихся рядом с могилами, зафиксировано больше, чем захоронений, в которых был сосуд [Молодин, Ламина, 1989].

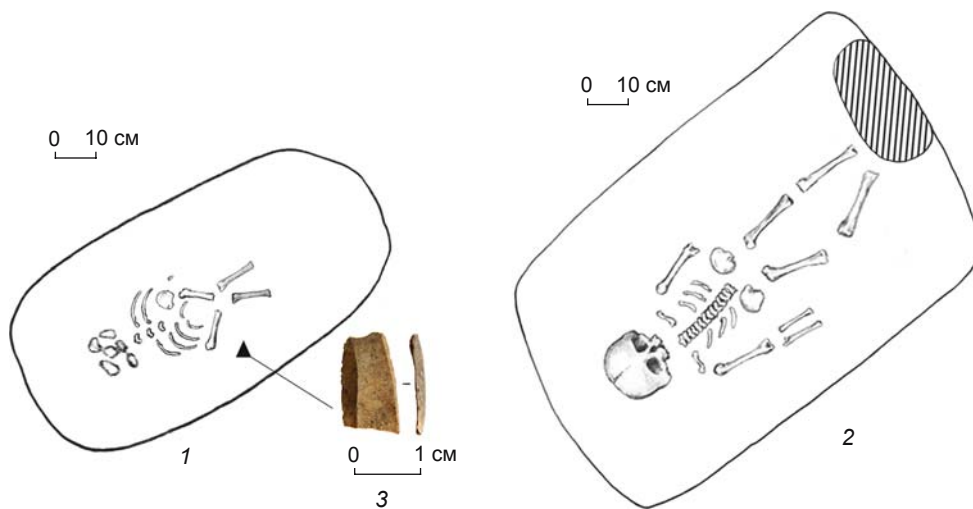


Рис. 14. План погр. № 6 (1) и № 11 (2) раскопа 1973–1975 гг., ножевидная пластина из заполнения погр. № 6 (3).

Вместе с тем относить данное захоронение только к кротовской либо елуинской культуре было бы неверно, поскольку для первой не характерна ориентация умершего головой на юго-запад, а для второй – поза. Отмеченные сосуды вполне могли относиться к какому-то другому, возможно, не исследованному комплексу.

В 0,2 м к северо-западу от мог. № 6 расположена яма (№ 2) овальной формы, вытянутая по оси запад – восток. Ее размеры 0,6×0,4 м, глубина 0,32 м. В заполнении найдены каменный отбойник и отщеп.

Погребение № 8. По верхнему контуру имело форму вытянутого овала. Ориентировано по линии юго-

запад – северо-восток. Его длина 1,4 м, ширина 1, глубина 0,8 м. Погребение разграблено. В могильной яме найдены несколько разрозненных костей человека и три костяных наконечника стрелы. На прилегающей к погребению территории фиксируется концентрация фрагментов керамики кротовской культуры.

Погребение № 9 (см. рис. 2, 15). Могила овальной формы, вытянута по линии северо-восток – юго-запад. Ее длина 1,9 м, ширина 0,7, глубина 0,39 м. Стенки отвесные. Умерший погребен в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. Череп повернут влево, грудная клетка не сохранилась, таз сильно разрушен. При захоронении левая рука была вытянута вдоль туловища, правая слегка согнута в локте, ноги вытянуты.

С левой стороны от черепа находились подвески из зубов животного и обломок каменной луновидной подвески из тонкой пластины очень мягкого белого сланца (рис. 15, 4, 4а). Один конец подвески обломан, слом заглажен. Длина сохранившейся части 4 см, наибольшая ширина 1,55, толщина подвески в наиболее широкой части 0,4, в наиболее узкой – 0,15 см. Подобные изделия достаточно широко представлены в кротовской культуре [Молодин, 1985, с. 43–44, рис. 18, 7–9, 11–13]. Практически полные аналоги анализируемой подвески обнаружены в погр. № 381 кротовской культуры могильника Тартас-1 [Молодин и др., 2011, рис. 34, 3].

Рядом с плечевой костью правой руки обнаружен кремневый наконечник стрелы, лежавший острием вверх (рис. 15, 1, 2). Он миндалевидной формы и относится к третьему типу кротовских наконечников, по классификации В.И. Молодина [1985, с. 40]. Его длина 2,1 см, ширина 0,9 см. Подобные наконечники в Западной Сибири получили распространение в период ранней – развитой бронзы.

В районе грудного отдела находился обломок точила из мелкозернистого серого песчаника (рис. 15, 1, 3). Орудие в форме неправильной трапеции изготовлено из серого сланца. Его длина 6 см, ширина в широком конце 3,7, узком – 1,7 см, толщина 1,7 и 0,9 см соответственно. На обоих концах име-

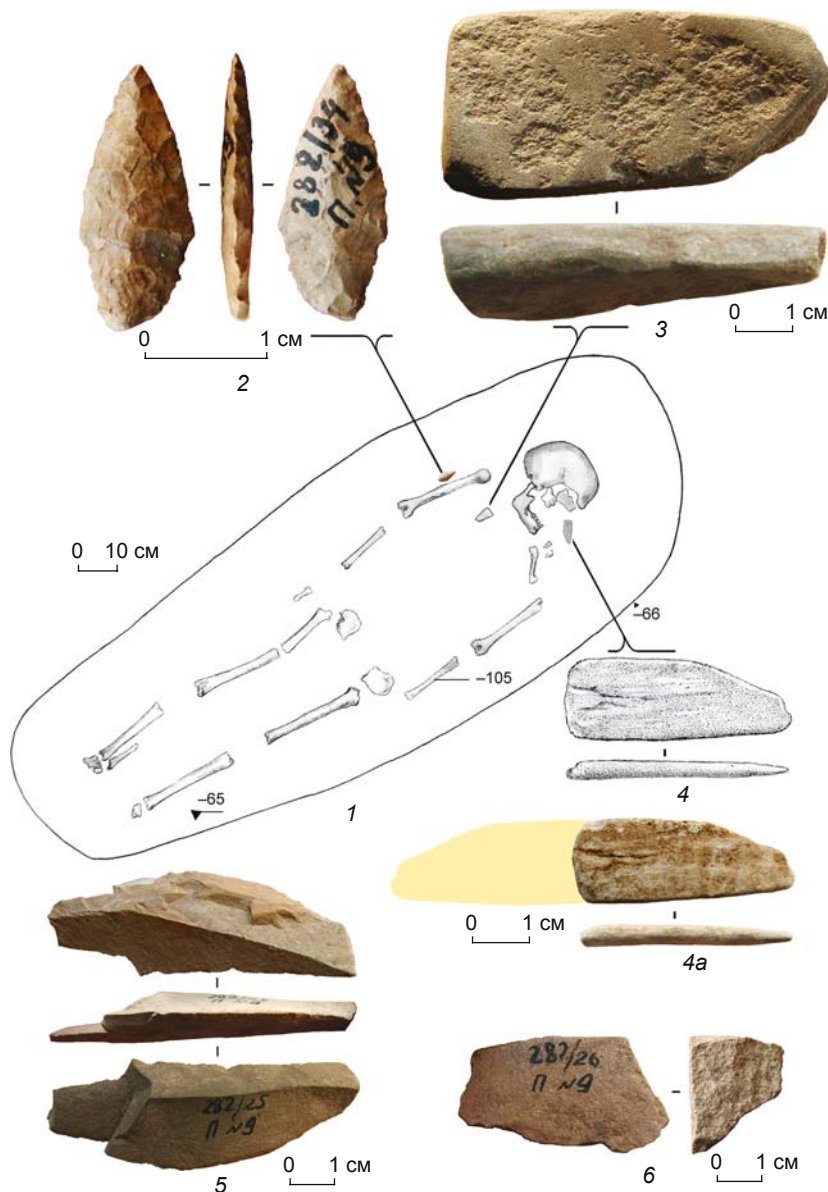


Рис. 15. План грунтового погр. № 9 раскопа 1973–1975 гг. (1), каменный наконечник стрелы (2), точило (3), фрагмент украшения (4; 4а – реконструкция его первоначальной формы) и сколы из заполнения могилы (5, 6).

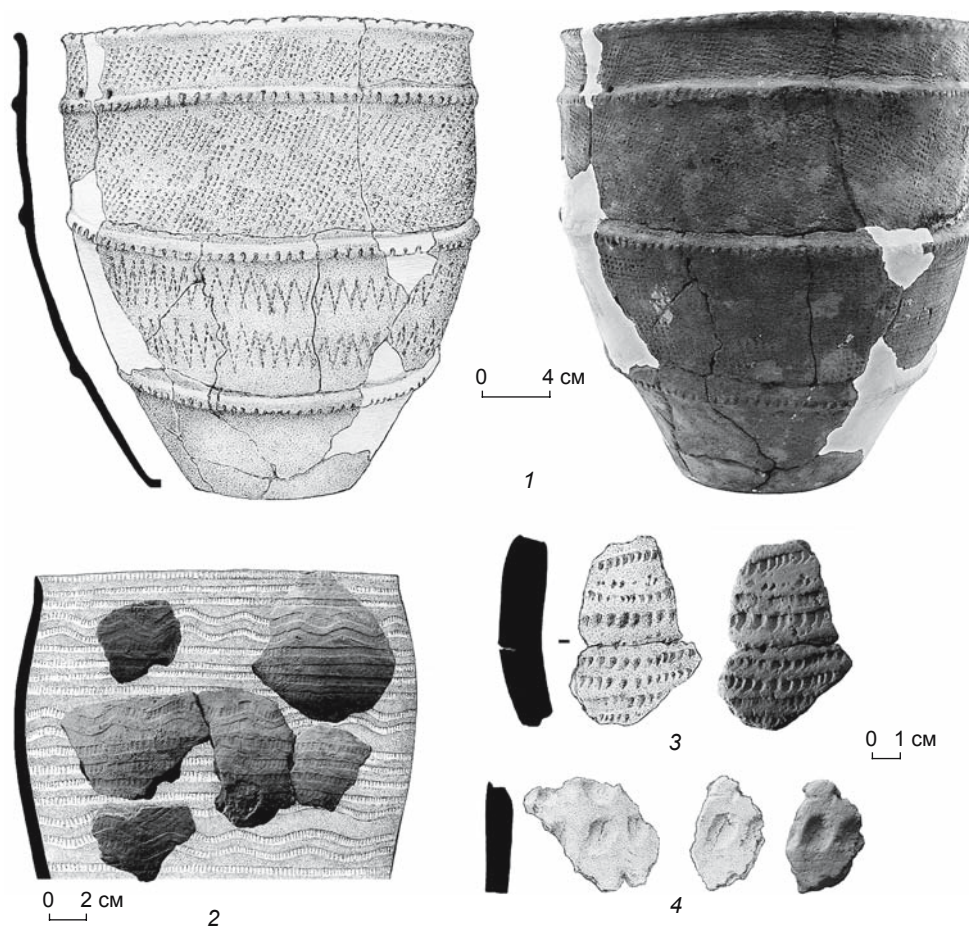


Рис. 16. Керамика с территории раскопа 1973–1975 гг.
1 – около погр. № 9; 2 – кв. 13 и 33 (рядом с погр. № 11); 3, 4 – кв. 8.

ются затертые сломы; возможно, ранее изделие было частью какого-то более крупного предмета. В заполнении могилы найдены также отщеп из кремнистого сланца и обломок камня (рис. 15, 5, 6).

В 0,8 м к юго-юго-западу от могильной ямы на уровне материка обнаружен развал кротовского сосуда (рис. 16, 1) с мелкими частицами пережженных костей. Материал частично опубликован [Зах, 1979, рис. 3, 11]. Сосуд может иметь прямое отношение к погребению.

Погребение № 11 (см. рис. 2; 14, 2). Могильная яма подпрямоугольной формы со слегка закругленными углами. Стенки отвесные. Ее размеры по верхнему контуру: длина 1,2 м, ширина 0,8 м; глубина от уровня материка 0,46 м. Могила ориентирована по линии юго-запад – северо-восток.

Ребенок был погребен на спине, в вытянутом положении, головой на юго-запад. Череп лежит лицевой частью вверх. Кости руки вытянуты вдоль костяка. Кости левой руки сохранились полностью, отсутствуют локтевая и лучевая кости правой руки. Правая нога при погребении была вытянута, левая слегка

согнута в колене. В ногах погребенного у северо-восточной стенки могилы прослеживается прокол. Его размеры 32×16 мм.

К северо-западу от могильной ямы на площади 2 м² (кв. 33) рассеяны обломки кротовского сосуда (рис. 16, 2), еще один фрагмент этого же сосуда находился рядом с погр. № 1 в кв. 13 (рис. 17, 1). Сосуд, помещенный рядом с захоронением на уровне материка, – одно из проявлений вышеуказанной обрядовой практики, которое неоднократно фиксировалось и на могильнике Сопка-2/4Б.

Погребение № 17 (рис. 18, 1). Найдено В.А. Захом во время осмотра памятника в 1977 г. [1979]. Могильная яма подпрямоугольной формы со слегка закругленными углами. Стенки отвесные. Ориентирована по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад. Заполнение – светлая супесь. Вся восточная стенка подмыта и обрушилась в Новосибирское водохранилище. Длина сохранившейся части ямы 1,25 м, глубина от уровня материка 0,45 м. Умерший погребен на левом боку, головой на северо-северо-восток. Череп раздавлен, лежал на левой височной кости лицевой частью вправо.

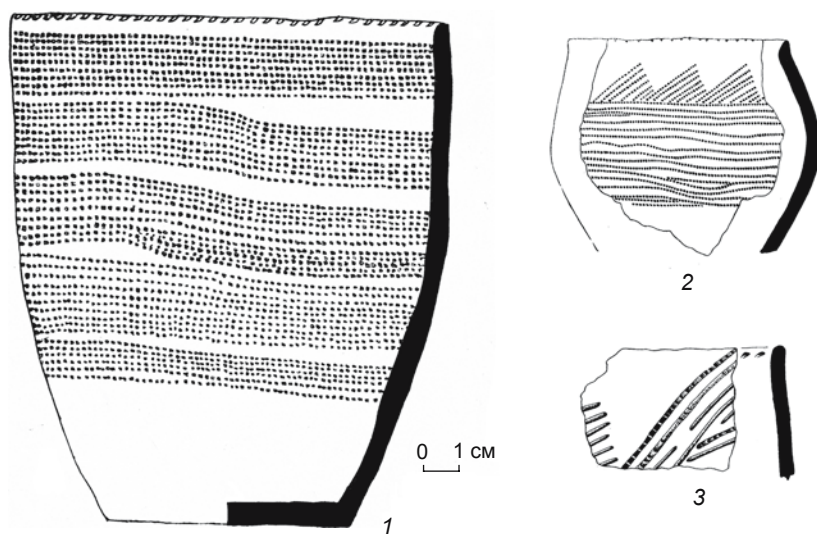


Рис. 17. Керамика с территории раскопа 1973–1975 гг.

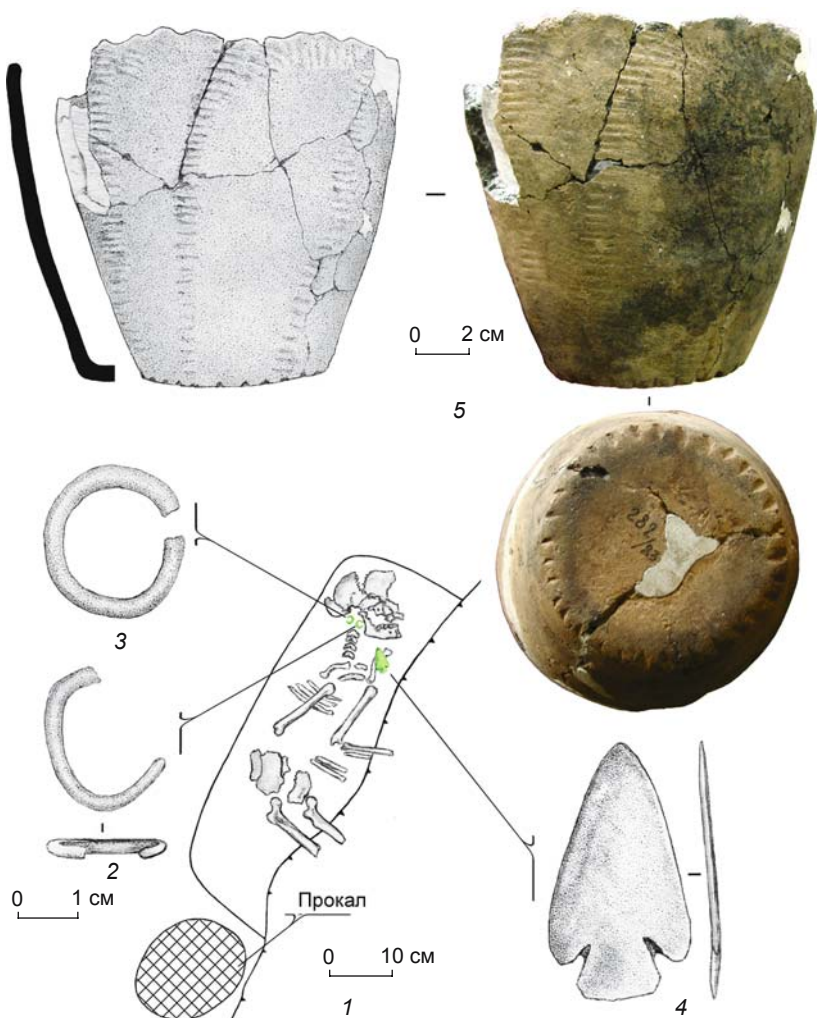


Рис. 18. План погребения на межкурганном пространстве раскопа 1977 г. (по: [Зах, 1979, с. 32]) (1), металлические серьги (2, 3), бронзовый наконечник стрелы (4) и керамический сосуд (5).

При захоронении руки были согнуты в локтях. Кости ног сильно повреждены при обрушении части могилы в реку. Сохранились только таз и фрагменты бедренных костей, с учетом положения которых можно предположить, что во время погребения ноги также были согнуты. На левой ключице прослежены следы охры.

У основания черепа найдены два несомкнутых бронзовых кольца. Одно изготовлено из прямоугольного в сечении прутика толщиной 0,3 см. Диаметр кольца 2,4 см, расстояние между несомкнутыми концами 0,4 см. Второе изделие диаметром не менее 2 см сохранилось частично. Кольцо выполнено из круглого в сечении прутика диаметром 0,2 см.

Рядом с левой ключицей погребенного найден бронзовый черешковый наконечник стрелы. У него имеется подтреугольное перо с двумя шипами, которые являются результатом рассечения зубилом основания кованой пластины. Длина пера 3,2 см, ширина 2,2, толщина 0,2, длина черенка 1,3, ширина 0,8, толщина колеблется от 0,2 до 0,1 см. Близкие по форме и способу изготовления наконечники найдены в могильниках Цыганкова Сопка-2 и Канай (Барнаальское Приобье) [Грушин и др., 2009, с. 44; Дегтярева, Грушин, Шайхутдинов, 2010, рис. 1, 8].

В 0,07 м от юго-юго-западного края могилы на материке находился округлый прокал диаметром 0,3 м, мощностью 0,15 м. Рядом с ним обнаружен сосуд (рис. 18, 5), относящийся, без сомнения, к периоду доандоновской бронзы.

В первой публикации могила предварительно отнесена к кротовской культуре [Зах, 1979]. В настоящее время с учетом положения погребенного (на боку, в скорченном положении) ее следует причислить к елуининской культуре.

Таким образом, на территории могильника Ордынское-1 под насыпями более поздних курганов и на межкурганном пространстве выявлено 14 погребений, которые можно уверенно датировать периодом ран-

ней – развитой бронзы. Все объекты расположены достаточно компактно – в средней части могильника, на наиболее высокой части увала речной террасы.

Выводы

Анализ погребальных комплексов эпохи ранней – развитой бронзы памятника Ордынское-1 показывает, что они разновременны и разнокультурны. По особенностям погребального обряда можно выделить несколько групп захоронений. Первую группу составляют восемь захоронений; их погребальный обряд и инвентарь свидетельствуют о принадлежности к кротовской культуре, ее классическому варианту.

Погребальный обряд характеризует трупоположение на спине, на уровне материка либо в неглубокой подпрямоугольной или овальной могиле с отвесными стенками. Могилы по длинной оси ориентированы преимущественно на северо-восток – юго-запад. Там, где это удалось проследить, могильные ямы составляют ряды, ориентированные с северо-запада на юго-восток. Умершие были захоронены вытянуто на спине, возможно, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями (в двух случаях). В погребениях находился инвентарь, характерный для кротовских захоронений, – каменные прямоугольные пластины, сточенные к краям, луновидная подвеска.

К кротовской культуре можно уверенно отнести не менее двух ям. Расположение на погребальном поле рядом или между могилами таких конструкций типично для кротовского погребального обряда.

Сосуды находились, как правило, рядом с могилами на материке или на погребенной почве. Только один миниатюрный сосудик обнаружен на остатках перекрытия, фрагменты еще одного сосуда найдены в яме. Помещение сосудов за пределами могилы – характерная черта кротовского погребального обряда, что неоднократно отмечалось в литературе [Молодин, 2010, с. 63; Молодин, Ламина, 1989]. Следует отметить, что керамика кротовской и елунинской культур поразительно похожа. В настоящее время она требует дополнительного комплексного исследования, чтобы выделить специфические особенности комплексов. Пока мы должны признать, что в отрыве от всего комплекса она не может быть культурно диагностирующей, по крайней мере для этих двух образований.

Во вторую группу включены два захоронения (№ 3 и № 17 раскопа 1973–1977 гг.). С учетом специфики погребального обряда [Кирюшин, Грушин, 2001; Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2010] последнее относится к елунинской культуре.

Третьей группе принадлежат четыре захоронения, которые невозможно однозначно атрибутировать. Они отличаются от кротовских по ориентации погребенных, от елунинских – по положению умерше-

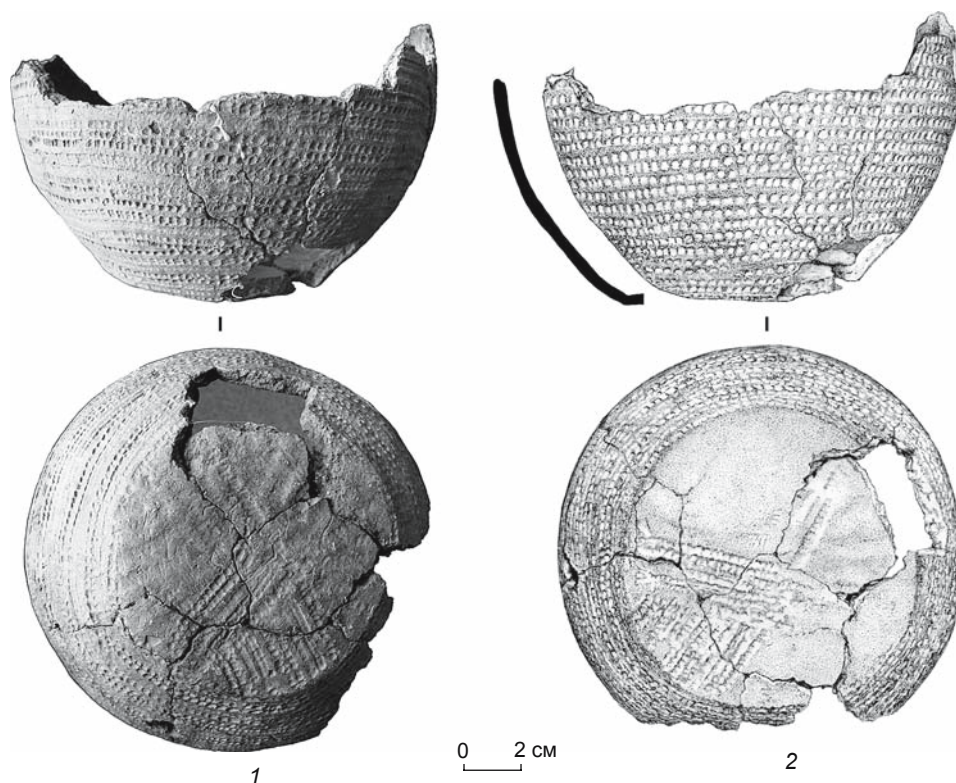


Рис. 19. Керамика, собранная в осыпи берега в 1987 г.

го в могиле. Кроме того, эти захоронения отличаются и от самусьских, недавно открытых в районе г. Новосибирска [Титова, Сумин, 2004, рис. 1, 2]. Возможно, они принадлежат крохалевской культуре, погребальный обряд которой в настоящее время практически неизвестен. К крохалевской культуре отнесено пока только одно погребение, обнаруженное на памятнике Тузовские Бугры I [Абдулганеев, Кирюшин, 2002, рис. 1, 1].

Такое сочетание различных по своей культурной принадлежности могильников, устроенных, по сути, на едином сакральном пространстве, по-видимому, не случайно. Дело в том, что территория, на которой находился анализируемый комплекс, входила в зону контактов различных культурных образований. По-видимому, здесь проходила восточная граница ареала кротовской культуры и северная граница ареала елунинской. Разумеется, эти границы были «плавающие», поскольку указанные культурные образования существовали по несколько столетий и границы их распространения менялись (тем более в контактных зонах). Кроме того, по зоне ленточных боров в этот район из предтаежной части Приобья проникали носители самусьской культуры. Часть самусьского жилища прослежена под насыпью кург. № 17, к слою этого поселения относятся и разрозненные фрагменты керамики данной культуры, выявленные под насыпью кург. № 9 и на территории раскопов 1973–1974, 1987 гг. (рис. 19) [Зах, 1983, с. 58, 64, рис. 3, 1].

В настоящее время не вполне ясной остается и стратиграфическая позиция крохалевской культуры, памятники которой известны в лесостепной зоне Верхнего Приобья [Молодин, 1977; Кирюшин, 2002, рис. 162, 164]. Последние по времени, несомненно, близки к носителям кротовской и елунинской культур. Поэтому не следует исключать, что и представители крохалевской культуры вплетались в эту сложную мозаику. Более того, на «стоянке Ордынская Западная» обнаружен сосуд, который наиболее близок к одиновской керамике [Кирюшин, 2002, рис. 64, 6]. Это позволяет предположить, что Приобье было восточной периферией ареала одиновской культуры, где ее носители активно взаимодействовали, по крайней мере, с крохалевским населением. Вообще уже приходилось отмечать, что керамика одиновской и крохалевской культур имеет немало сходных черт [Молодин, 1985], что позволяет отдельным исследователям даже видеть в одиновской керамике Барабинской лесостепи крохалевские комплексы [Панфилов, 1993, с. 44, 45; Зах, 2009, с. 246]. С последней версией, впрочем, трудно согласиться; основания для такого вывода приводятся в специальной работе [Молодин, 2012, с. 182–185].

Таким образом, серия погребений периода ранней – развитой бронзы, исследованных в разные годы на-

шими коллегами, несомненно принадлежит разным культурным образованиям, что необходимо учитывать при обращении к материалам этого интереснейшего памятника.

Список литературы

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф. Погребение раннебронзового века из могильника Тузовские Бугры-I // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2002. – С. 4–6.

Алексеев В.П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // ТИЭ. Нов. сер. – 1961. – Т. 71. – С. 107–206.

Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.Г. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск: Том. гос. ун-т, 1970. – С. 12–51.

Грушин С.П. Проблема соотношения кротовской и елунинской культур // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2001. – С. 217–220.

Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. – 160 с.

Грязнов М.П. Отчет о работе НАЭ за 1954 г. // Архив ИА РАН. НОКМ.

Грязнов М.П. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы // КСИИМК. – 1956. – № 64. – С. 27–42.

Грязнов М.П., Троицкая Т.Н., Уманский А.П., Севастьянова Э.П. Археологическая карта побережья Новосибирского водохранилища // Вопросы археологии Сибири. – Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ин-т, 1973. – Вып. 85. – С. 3–44.

Дегтярева А.Д., Грушин С.П., Шайхутдинов В.М. Металлообработка населения елунинской культуры Верхней Оби (предварительные результаты металлографического исследования) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2010. – № 2. – С. 27–35.

Дрёмов В.А. Отчет об археологической разведке в Новосибирской области в 1962 г. // Архив ИА РАН. № 2700. 1962.

Завитухина М.П. Ордынские курганы V–IV вв. до н.э. (о культуре скифского времени в Новосибирской лесостепи) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – 1968. – Вып. 10. – С. 28–34.

Зах В.А. Погребение кротовской культуры у с. Ордынское // Сибирь в древности. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 31–32.

Зах В.А. Новые исследования памятников у с. Ордынское // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. – Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ин-т, 1983. – С. 57–67.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Таболо-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 2009. – 320 с.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1986. – 35 с.

Кирюшин Ю.Ф. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1987. – С. 100–125.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2002. – 294 с.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. К вопросу о соотношении елунинской и кротовской археологических культур // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2001. – С. 33–42.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Елунинская культура бронзового века в Обь-Иртышском междуречье // На пути открытия цивилизации. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 552–556. – (Тр. Маргиан. археол. экспедиции; т. 3).

Комарова М.Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. – 1956. – Вып. 64. – С. 93–103.

Комарова М.Н., Молодин В.И. Археологическая карта правобережья реки Оби в Сузунском районе Новосибирской области // Вопр. археологии Сибири. – Новосибирск: Новосибир. гос. пед. ин-т, 1973. – С. 45–54. – (Науч. тр. Новосиб. гос. пед. ин-та; вып. 85).

Матющенко В.И. Древняя история лесного и лесостепного Приобья. – Томск: Том. гос. ун-т, 1973. – Ч. 2. – 139 с.

Молодин В.И. Кротовская культура и ее окружение // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1975а. – С. 259–268.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышского междуречья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1975б. – 25 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 171 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 199 с.

Молодин В.И. Современные представления об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее. – Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2010. – С. 61–76.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 3. – 220 с.

Молодин В.И., Ламина Е.В. Керамика могильника Сопка-2 // Керамика как исторический источник. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 103–118.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Соловьёв А.И. К периодизации культур эпохи бронзы Обь-Иртышской лесостепи: стратиграфическая позиция погребальных комплексов ранней – развитой бронзы на памятнике Тартас-1 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 3. – С. 40–56.

Панфилов А.Н. Многослойное поселение Серебрянка 1 в Нижнем Приишимье (итоги полевых исследований). – Препр. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 1993. – 80 с.

Титова М.В., Сумин В.А. Открытие могильника самусьской культуры в Крохалевском археологическом микрорайоне // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2004. – Вып. 4. – С. 77–83.

Троицкая Т.Н. Отчет о работе Новосибирской археологической экспедиции в 1967 г. // Архив ИА РАН. № 3770. 1967.

Троицкая Т.Н. Отчет о работе Новосибирской археологической экспедиции в 1970 г. // Архив ИА РАН. № 4183. 1970.

Троицкая Т.Н. Курганный могильник Ордынское-1 // Вопросы археологии Сибири. – Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ин-т, 1973. – Вып. 85. – С. 84–101.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979. – 124 с.

Троицкая Т.Н. Летопись Новосибирской археологической экспедиции // Новосибирская археологическая экспедиция (1957–1995 гг.). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2010. – С. 13–73.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1980. – 183 с.

Материал поступил в редколлегию 18.06.13 г.